

УДК 82091

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-81-92

**Блудилина Н.Д.***Институт мировой литературы им. А.М. Горького (г. Москва)***«ДУХ НОВОГО ВРЕМЕНИ» В СТАТЬЯХ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»  
(1802-1804)**

*Аннотация.* В статье даётся анализ трансформации взглядов Н.М. Карамзина, отразившихся в его публицистических статьях в журнале «Вестник Европы» за 1802–1804 годы через призму спора либеральных и консервативных общественно-политических кругов в свете политических и культурных перемен сложной эпохи рубежа веков, которые в целом образно названы «дух нового времени». Также исследуется корпус переводных публицистических статей «Вестника Европы» за указанный период, которые в большинстве своём остаются не переизданы.

*Ключевые слова:* публицистика, политика, общество, культура, литература, консерватизм, либерализм.

**N. Bludilina***Institute of World Literature (Moscow)***«THE SPIRIT OF THE NEW AGE» IN «VESTNIK EVROPY» ARTICLES (1802-1804)**

*Abstract.* The article contains the analysis of transformation of the views of the writer N. Karamzin, reflected in his journalistic articles in the magazine «Vestnik Evropy» in 1802-1804 years through the prism of the dispute of liberal and conservative social and political ideas in the light of the political and cultural change of this difficult era at the turn of the century, which, in general, figuratively was named «the spirit of the new age». It also explores the set of translated articles of «Vestnik Evropy» of a specified period, most of which are not reprinted.

*Keywords:* journalism, politics, society, culture, literature, conservatism, liberalism.

Редактирование журнала «Вестник Европы» — это отдельный важный период творчества Н.М. Карамзина: погружения в современные ему политические и культурные события Европы, в аналитическом сопоставлении деяний лидеров Запада и России в переломное историческое время. Цель и задачи нашей работы: изучить проблему трансформации взглядов писателя и показать, как они отразились в его публицистике в журнале «Вестник Европы» за 1802–1804 годы через призму спора либеральных и консервативных общественно-политических идей в свете политических и культурных перемен этой сложной эпохи рубежа веков, которые в целом образно названы «дух нового времени». Изучению публици-

© Блудилина Н. Д., 2015.

\* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-04-00494 «Н.М.Карамзин: энциклопедический словарь»

стических воззрений писателя уделено было недостаточно много внимания как в русской критике XIX в., так и в литературоведении XX века, да и в современном. Например, Н.В. Кувшинова в своей кандидатской диссертации «Нравственные основания мировоззренческих идей Н.М. Карамзина», исследуя в целом формирование нравственных воззрений писателя, этому важному периоду посвятила небольшой фрагмент [11, с. 50]. До самого последнего времени весь корпус переводных публицистических статей «Вестника Европы» за указанный период остаётся неопубликованным, а доля авторства Н.М. Карамзина в некоторых из них представляет загадку. До сих пор существуют разные мнения исследователей, противоречиво толкующих проблематику и идеи содержания публицистических статей этого журнала. На художественное их своеобразие также мало обращали внимание.

Политические статьи Карамзина в «Вестнике Европы» за 1802–1804 гг. и его авторизированные переводы-извлечения из двенадцати лучших европейских журналов (подбор материалов всегда определялся издателем) отражали свежий взгляд на события своего времени и ясную их оценку просвещённым и литературно-одарённым современником, подготавливали и формировали общественные взгляды образованной русской публики начала XIX в. «Читатели из двухнедельных ясных обозрений Карамзина, – утверждал М.П. Погодин в своём биографическом труде, – понимали яснее и узнавали короче положение Европы, чем узнаётся оно из еженедельных наших газет» [14, с. 340-341]. Публици-

стика «Вестника Европы» привлекала внимание читателей не только отражением современных событий, но и своим содержанием и литературными достоинствами: ясностью, верностью, трезвостью и независимостью суждений (ведь издатель всегда предлагал читателю своё мнение о происходящих событиях и о характерах действующих лиц); образным поэтическим языком, насыщенным яркими тропами, общей художественностью стиля, не характерного для «скучно-казённого» изложения фактов, обычного для журнальной периодики.

С первых же страниц «Вестника Европы» Н.М. Карамзин погружал читателей в мир общественно-политических страстей сложной переходной эпохи, в извечный спор старого миропонимания с новым мировосприятием, в котором рождается «дух нового времени». В России это был молодой период царствования Александра I, когда много говорилось о «духе нового времени», о потребностях этого времени, о правах человека, о справедливости, о разумном устройстве государства. Жив в памяти был отрицательный исторический пример революционной Франции, когда под предлогом этих благих идей на общественное поприще выступили самые неразумные страсти человеческие.

Открывался «Вестник Европы» «Письмом к Издателю», где Карамзин откровенно и радостно рисует идиллическую картину современной ему действительности: «Искренно скажу тебе, что я обрадовался намерению твоему издавать журнал для России, в такое время, когда сердца наши, под кротким и благодетельным правлением юного монарха, покойны и веселы;

когда вся Европа, наскучив беспорядками и кровопролитием, заключает мир, который по всем вероятностям будет твёрд и продолжителен; когда науки и художества в быстрых успехах своих обещают себе ещё более успехов; когда таланты, в свободной тишине и на досуге, могут заниматься всеми полезными и милыми для души предметами; когда литература, по настоящему расположению умов, более, нежели когда-нибудь должна иметь влияние на нравы и счастье» [1, с. 3].

Пафос утверждения настоящего (или всё же надежды на будущее?) присутствует в этом ритмизованном лирическом тексте; указаны ведущие настроения наступившего «времени надежд» — «когда» «сердца ... спокойны и веселы» и долгожданный мир и тишина дают возможность заняться «всеми полезными и милыми для души предметами» [1, с. 3]. Милый предмет для «души» писателя — литература, он уповает, что она должна иметь влияние «на нравы и счастье».

Этому способствуют, он убеждён, и благие перемены в сфере просвещения общества: «...уже деятельный разум во всех состояниях, во всех землях, чувствует нужду в познаниях, и требует новых, лучших идей» [1, с. 3]. Карамзин указывает, что все сословия стремятся к просвещению: и «монархи в Европе считают за долг и славу быть покровителями учения»; и «министры стараются слогом своим угождать вкусу просвещённых людей», и «придворный хочет слыть любителем литературы; и «судья читает, и стыдится прежнего непонятного языка Фемиды»; и «молодой светской человек желает иметь знания, чтобы говорить с приятностию в обществе, и даже при

случае философствовать», и «нежное сердце милых красавиц находит в книгах ту чувствительность, те пылкие страсти, которых напрасно ищет оно в обожателях»; и «матери читают, чтобы исполнить тем лучше священный долг свой»; и «семейство провинциального дворянина сокращает для себя осенние вечера чтением какого-нибудь нового романа» [1, с. 3-4].

Мы видим вновь необычайно идеальный взгляд писателя на настоящее: он горячо доказывает, что все чаяния об образованном обществе из минувшего века Просвещения уже состоялись в веке наступившем или должны вот-вот исполниться. Порой кажется, что он выдаёт желаемое за действительное, точнее всё же, он прозревает будущее, даёт рекомендации и программу для действия. Для убедительности Карамзин вновь прибегает в тексте к выразительным ритмическим повторам, теперь однородных предложений, наполненных смысловыми доминантами, развивающими общую тему «всеобщего просвещения».

Вывод писателя однозначен: вкус к литературе «общая мода и главная в Европе», для этого он предлагает «только счесть типографии и книжные лавки в Европе» [1, с. 4]. Карамзин обращает свои взоры и на отечество: у московских книгопродавцев с некоторого времени торговля беспрестанно возрастает и, что особо важно для писателя, «хорошее сочинение кажется им теперь золотом» [1, с. 4]. Для убедительности он приводит свои личные наблюдения: «Я живу на границе Азии, за степями отдалёнными, и почти всякой месяц угощаю у себя новых *rapcodов*, которые ездят по свету с драгоценностями русской литературы

и продают множество книг сельским нашим дворянам. Доказательство, что и в России охота к чтению распространяется и что люди узнали эту новую потребность души прежде неизвестную» [1, с. 5].

Карамзин полагает, что в России литература может быть ещё полезнее, чем в других землях, ибо «чувство в нас новее и свежее; изящное тем сильнее действует на сердце, и тем более плодов приносит» [1, с. 5]. Писатель воображает себе «великой предмет для словесности, один, достойный талантов» так: «Сколь благородно, сколь утешительно помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российской; развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями, и сливать её в сладких чувствах со благом других людей!» [1, с. 6]. Это, конечно, главная цель и его творчества в целом, и в частности его публицистики периода издания «Вестника Европы».

Идея нового журнала созрела у Карамзина при чтении «любопытных» европейских журналов, в которых «все лучшие авторские умы *на сцене*»; и конкретная его задача – «*выбрать* приятнейшее из сих иностранных цветников и пересаживать на землю отечественную!» [1, с. 7]. Достоинство журнала, убеждён наш писатель, состоит в разнообразии, которое «приятно хорошим выбором», а хороший выбор иностранных сочинений требует ещё и хорошего перевода: «Надобно, чтобы пересаженный цветок не лишился красоты и свежести своей» [1, с. 7]. Его метафора «цветника» европейской культуры, пересаженного на российскую почву, явилась наилуч-

шим образом привлекательного для читателя «цветения» и процветания нового издания.

Одной из важных составляющих этого «цветника» являлся раздел «Политика»: «...надеюсь только, что эта часть журнала, ко счастью Европы, будет не весьма богата и любопытна». Карамзин поздравляет издателя с новым титулом «*политика*» и предупреждает его (и самого себя!) от излишнего увлечения этой журналисткой ролью: всему своё время и место. «Что для кисти Вернетовой буря, то для политика гибель и бедствие государств, народ бежит слушать его, когда он, сидя на своём трезубце, описывает раздоры властей, движение войска, громы сражений и стон миллионов; но когда громы умолкнут, все помирятся, и всё затихнет: тогда народ, сказав: *finita la comedia!* – Идёт домой, и журналист остается один с листами своими» [1, с. 8]. В дальнейшем он будет следовать собственному совету и, чтобы его читатель не заскучал, наполнит свой «цветник» разнообразием тем.

В первом номере «Вестника Европы» раздел «Политики» открывало «Всеобщее обозрение», в нём была дана общая картина: «Наконец мир в Европе. Исчезли ужасы десятилетней войны, которая потрясла основание многих держав, и разрушая, угрожала ещё *большими* разрушениями; которая, не ограничиваясь Европою, разливала пламя своё и на все другие части мира, и которая будет славна в летописях под страшным именем *войны революционной*. Особенным её характером было всеобщее волнение умов и сердец. Кто не занимался ею с живейшим чувством? Кто не желал ревностно успехов той или другой

стороне? И многие ли сохранили до конца сей войны то мнение о вещах и людях, которое имели они при её начале? Она не только государства, но и самые души приводила в смятение» [1, с. 66]. Риторические вопросы в этой статье, как и яркие метафоры, придают особую взволнованность публицистическим высказываниям писателя, эмоционально акцентируя смятение душ в период революционных войн, разливавших разрушительное пламя на все части мира. Если сравнить с рассмотренной начальной статьей «К издателю», здесь всё противоположно идиллическому описанию современности как эпохи, когда сердца «покойны и веселы». В этом же духе следует и продолжение обозрения: прошлое осталось позади, действия «ужасной революции» останутся «пятном» восемнадцатого века (далее идёт важное примечание автора), «слишком рано названного *философским*» [1, с. 66]. Писатель твёрдо убеждён, что девятнадцатый век должен быть счастливее, ибо народы уверились в необходимости законного повиновения, а государи – в необходимости «благодетельного, твёрдого, но отеческого правления» [1, с. 66]. Венчает размышления о веке нынешнем и веке минувшем замечательный афоризм: «Сия мысль утешительна для сердца, которое в самых бедствиях человеческого рода находит, таким образом, залог добра для будущих времён» [1, с. 66].

Заканчивается «Всеобщее обозрение» описанием программы журнала, в котором читатели будут уведомляться «о мирном благоденствии держав, о полезных учреждениях во всех землях, о новых мудрых законах, более и более утверждающих сердечную связь по-

данных с монархами» [1, с. 84]. Вторя своему предупреждению об излишнем увлечении политикой, Карамзин утверждает: «Военные громы возбуждают нетерпеливое любопытство: успехи мира приятны сердцу» [1, с. 84], поэтому он оставляет издателям ведомостей право сообщать в отрывках всякого рода политические новости, а «мы будем замечать только важные» [1, с. 84]. Сверхзадачу издания писатель видит в том, что «Вестник Европы» в продолжении своём может составить «избранную библиотеку литературы и политики» [1, с. 84].

Обещанное читателям было исполнено уже в течение первого года.

Первое полугодие издания «Вестника Европы» (1802 г.) завершалось обзорной статьей Карамзина «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (№ 12 за 1802 г.). Эту статью-обзор умонастроений начала XIX в. можно считать программой для развития общественного сознания александровской эпохи, в ней определены главные черты нового «духа» времени, который принесла французская революция в Россию — «духа» либерализма, и черты «старого», просветительского — «духа» рационализма и консерватизма. Остановим своё внимание на этой статье в поисках определения главных черт александровского времени по Карамзину.

Главный пафос статьи «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (да и её название говорит само за себя) — «никакое время не обещало столько политического и нравственного благоденствия Европе, как наше» [4, с. 314]. «Не желаю быть мечтателем, — пишет Карамзин, — но в царствование Александра могут ли

добрые желания и патриотические надежды быть мечтами?» [4, с. 322]. Для молодого поколения русских образованных людей время это имело для России особенный характер счастливой и наполненной надеждами красивой молодости.

Статья Карамзина «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» открывается обзором внешнеполитических событий, которые и привели Европу к «политическому и нравственному благоденствию»: «Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок освящён» [4, с. 314]; «...французская революция, грозившая ниспровергнуть все правительства, утвердила их; (почти на всех тронах Европы видим юных государей, деятельных и ревностных к общему благу)». Автор, выражая общественное мнение того времени, приходит к выводу: «Революция была злословием свободы: правительства, не хвалясь именем, дозволяют гражданам пользоваться всеми её выгодами, согласными с основанием и порядком общества» [4, с. 314-315]. Далее он рассуждает о «дружественном союзе народов», который благоприятствует «взаимному сообщению великих умов» [4, с. 315].

Взор автора обращён и к России: «Какой надежды не можем разделять с другими европейскими народами мы, осыпанные блеском славы и благодеяниями человеколюбивого монарха? Никогда Россия не уважалась в политике, никогда её величие не было так чувствуемо во всех землях, как ныне, ... она может презирать обыкновенные хитрости дипломатики и судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народов» [4, с. 317].

Для Карамзина молодой монарх со-

единил в себе все те надежды, любовь и преданность, которые «поданные так счастливы законно отдавать своим владыкам». Нарушенный революцией миропорядок восстановлен, и Россию в этом обновленном мире ждёт великое будущее, убеждён Карамзин; и он готов в числе других «лучших умов» послужить отечеству «под знаменем властителей» и «способствовать успехам настоящего порядка вещей» [4, с. 315].

Ясно и точно выразил издатель «Вестника Европы» зарождавшиеся в русском обществе начала XIX века умонастроения, «дух нового времени», когда страстное желание служить истинному общественному благу сливается с не менее страстной верноподданностью своему юному монарху, олицетворяющему будущую державную мощь России.

Ранее в № 3 «Вестника Европы» за 1802 г. издатель привёл переведённую из парижского журнала статью «Новая политика», в которой также анализировались существенные изменения общественного сознания эпохи во Франции – переход от «философского» к прагматическому: «Мы свергли с неба старинных моралистов и новыми системами доказали ложь их мудрости. Всё приняло другой вид: доходы теперь стоят наряду с добродетелями, торг занял место нравов...» [2, с. 4]. Здесь звучит предупреждение об опасной перемене, которая наступает после революционных событий: на место благородных просветительских систем приходит низкая власть капитала.

Статья подобного политического содержания, «О мире», была напечатана и в № 8 «Вестника Европы» за 1802 г.: «Политическое спокойствие Евро-

пы, при нынешней отменной деятельности умов, обещает нам много приятного для жизни и много полезного для гражданского состояния людей. <...> Революция кончилась не только для Франции, но и в умах, которые теперь от одних мудрых законных властей ожидают лучшей доли для человечества в гражданском порядке» [3, с. 376]. Здесь вновь звучит надежда на благие перемены в общественном сознании («умах»), ибо «законные власти» должны гарантировать «гражданский порядок», это основа «общественного договора», столь долго обсуждаемого философами-просветителями на исходе восемнадцатого века.

Политическое равновесие внешних сил, по мнению Карамзина, создаёт благоприятные условия для равновесия внутреннего в государстве, в его общественном сознании.

В русскую литературу XVIII в. идеи Сен-Пьера и его «проект вечного мира» были введены благодаря переводам И.Ф. Богдановича сочинений Ж.-Ж. Руссо: в 1771 г. он издал «Сокращение, сделанное Жан-Жаком Руссо, женеvским гражданином, из проекта о вечном мире, сочиненного господином аббатом Сен-Пьером». «Общественный договор» Руссо, в котором развивались идеи «вечного мира» в значении социального равновесия, был опубликован на русском языке в 1786 г.

Со всеми этими работами Карамзин был хорошо знаком, и следы увлечения идеями «вечного мира» и в политическом, и в социальном значении можно найти в некоторых статьях «Вестника Европы».

Но рассуждения о «вечном мире» и сам проект вряд ли могли изменить

порядок вещей: Россия уже жила ожиданием войны с Бонапартом.

Карамзин, объясняя изменение самосознания русского общества в начале XIX века внешними причинами, поражает прозорливостью и широтой суждений о сложной и переменчивой эпохе, которыми мог, безусловно, обладать не просто непосредственный участник событий, а пытливый созерцатель и исследователь исторического процесса, с интуицией «гения», художника. Карамзин также поразительно точен и в передаче романтического мироощущения людей александровского времени, когда все ужасы прошлых потрясений забыты и все взоры и мысли мечтательно устремлены в будущее.

Как и в первой статье «К издателю», в статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» взор автора обращён к будущему России: звучит и радостная надежда Карамзина на новое царствование, основанная не только на преуспевании России во внешней политике, но и на внутренних благотворных переменах; о чём свидетельствуют «нынешнее общее спокойствие сердец», «благородные, истинно человеческие идеи», более и более действующие в умах [4, с. 317]. Автор статьи приходит к выводу, что «рассудок утверждает права свои и дух россиян возвышается» – это те важные перемены в общественном самосознании, которые, по его мнению, приведут к дальнейшему процветанию России [4, с. 317]. Написав картину просветительской идиллии «дней александровых прекрасного начала», Карамзин спешил заверить читателей, что Россия ещё не находится «на высочайшей степени блага и совершенства. Нет, мудрое правление наше тем счаст-

ливее, что оно может сделать ещё много добра отечеству» [4, с. 318].

И среди будущих благ «века Александра» Карамзин назвал «полное, методическое собрание гражданских законов, точно и мудро написанных», и отметил их особое значение, их историческую преемственность: «Великая Екатерина даровала нам систему политических уставов, определяющих права и отношения состояний к государству. Александр дарует нам систему гражданских законов, определяющих отношения граждан между собою. Тогда законоведение будет наукою всех россиян и войдёт в систему общего воспитания» [4, с. 319]. Карамзин статьей «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» готовил читателей к будущим значительным общественным переменам в России, которые должны будут продолжить начинания века просвещённого абсолютизма. Захваченный новым либеральным «духом» перемен, Карамзин в глубине души всё же склонялся к «старому» просветительскому взгляду: он был уверен в необходимости и в новом царствовании «действия истинного просвещения» [4, с. 319].

К кому были обращены все эти «надежды и мечтания» Карамзина?

К русскому дворянству; «оно есть душа и благородный образ всего народа», ему «слава и счастье отечества должны быть ... особенно драгоценны» [4, с. 321]. Карамзин назвал и «героя, своего времени» – «молодой человек с решительным образом мыслей» [4, с. 319].

Сложилось априорное мнение у некоторых исследователей вслед за утверждением Ю.М. Лотмана, что «Вестник Европы» Карамзина – журнал «откровенно бонапартистский» [13, с.

282]. Исследовательница И.И. Фадеева утверждает: «Карамзин не только анализирует происходящее в Европе, он словно использует личность и политику Наполеона как показательный пример для Александра Первого» [15, с. 154]; в том же духе рассуждает учёный историк М.Г. Лобачкова [12, с. 90]. Очевидно, что эта взаимосвязь выведена из ложного предположения, что антитеза Наполеон и Александр I, составившая организующее начало политической позиции «Вестника Европы», состояла в противопоставлении сильного правителя слабому. Но содержание первых годов выпуска журнала свидетельствует о другом: для издателя «Вестника Европы» это было противопоставление «тёмного» политического гения — Бонапарта (хотя «гений и злодейство», безусловно, для Карамзина «две вещи несовместные») и «светлого» политического гения — Александра I. Нельзя согласиться и с утверждением, что «Вестник Европы» – журнал «откровенно бонапартистский». Постараемся доказать обратное.

Материал о Бонапарте появляется в первых же номерах «Вестника Европы», но это свидетельствует не о «бонапартистском» направлении журнала, а об интересе читающей и думающей публики александровского времени к столь важной политической фигуре, и издатель, в соответствии с общественными задачами журнала, знакомит читателей с загадочным для них пока образом французского консула.

В журнале за 1802 г. № 1 Карамзин публикует переведённую из французского журнала статью «Анекдоты о Бонапарте», где представлен почти идеальный образ молодого гениаль-

ного полководца – провидца событий: «За несколько дней до отъезда в Итальянскую армию, Бонапарте пришёл к одному из друзей своих, спросил бумаги и написал в десять минут план военных действий, которой был у него в голове. В сем плане именно назначено, что первое поражение неприятеля будет при Меллезимо, и что Австрийцев должно выгнать из ущелий Тирольских. В конце сказано: *“И перед воротами Вены дам я вам мир!”*» [1, с. 60]; «Бонапарте был двадцати шести лет от роду, когда поехал командовать армию. “Такому ли молодому человеку быть военачальником!”, – сказал ему один из его приятелей. *“Я еду молод, а возвращусь стариком”*, – отвечал он» [1, с. 61]; «Бонапарте в начале своего Консульства часто повторял, что Первый Консул должен быть не что иное, как первый и всегдашний ходатай государства по внешним и внутренним делам» [1, с. 62]; «Он сказал французским морским офицерам: *“Вы храбры, но были побеждаемы от неповиновения. На сухом пути храбрость без подчинённости может иногда победить, а на море никогда”*» [1, с. 62].

Что представляли собой на самом деле эти «анекдоты»: перед нами создаваемый в обществе миф о Бонапарте, который успешно растиражировали печатные органы, либо это сознательная пропаганда легенды о Наполеоне, которую сочиняли сами газетчики с подачи властей? Возможно, это было и то и другое. Встаёт и другой важный вопрос: сколько здесь правды и выдумки? Как эти вопросы разрешал для себя Карамзин, станет очевидным из дальнейших его публикаций на эту тему.

В № 8 «Вестника Европы» за 1802 г. Карамзин публикует «Письмо о консу-

ле Бонапарте» (без подписи), словесный портрет будущего героя или антигероя, и каждый из читателей волен сделать выбор сам: «Всякий портрет и бюст сего редкого человека должны быть похожи; но никакое изображение не представит его совершенно. Можно ли кистью или резцом изобразить огонь глаз и какую-то неизъяснимую любезность рта его? В приёме и обхождении он чрезвычайно холоден и даже застенчив; на всякого человека, ему представляемого, устремляет быстрый взор – потупляет глаза в землю, и редко взглядывает в другой раз, слушает с великим вниманием, и всего более удивляет тем французом; отвечает коротко и нерешительно, так что из слов его нельзя ничего заключить об успехе дела» [3, с. 343].

В приведённом выше «Письме о консуле Бонапарте» и в других исследуемых ниже статьях «Вестника Европы» можно предположить отчасти авторство Карамзина, который по всем отзывам европейской прессы создаёт некий собирательный психологический иронично-восторженный портрет Бонапарта, из которого явственно видны черты великого лицедея, играющего пока в многозначительность и загадочность «редкого человека», который на глазах изумлённой публики скоро превратится в «великого человека».

Далее в «Вестнике Европы» за 1803 г. (№ 12) появилось описание занятий Бонапарта – «День консула Бонапарта, из записок одной немецкой дамы, живущей в Париже»: «Всегдашняя деятельность есть главная потребность сего великого человека и первая черта его характера. Сие природное, весьма редкое дарование способствовало возвышению Бонапарте... и ныне помогает ему достойно занимать сию степень

величия... Прилежное исследование всех частей государственной науки делает его ежедневно способнее повелевать Республикою...» [5, с. 307].

Верил ли сам Карамзин в возможность превращения недавнего капрала в просвещённого правителя, или в этой «всегдашней» занятости он видел всего лишь притворство и игру в величие? Не случайно в тексте записок этой мифической немецкой дамы (происхождение должно было свидетельствовать о беспристрастности ее суждений) издатель «обронил» невзначай фразу-намек для пронизательного читателя: «...консул должен много читать» [5, с. 307].

В то время многие горячие головы и тщеславные сердца молодых людей были романтически увлечены славой Бонапарта, которую они ошибочно принимали за величие, именно им в большей степени адресованы эти публикации.

В 1803 г. в № 18 «Вестника Европы» появилась новая статья о Бонапарте – «Письмо из Парижа. Приём в Сен-Клу. (Из нем. журнала)». В ней вновь описывается внешность французского консула, но для автора уже отчётливо видно, что «ни одна черта не изображает отменного человека»: «Взор его совершенно погас и не изъявляет ничего. Один умный физиолог, говоря со мной о том, заметил, что это бывает следствием живых, сильных страстей, глубоко скрываемых в сердце. Консул имеет одну страсть, но сильнейшую и самую *разрушительную*: властолюбие и любочестие; и никакой властитель лучше его не скрывал от толпы своего истинного характера» [5, с. 109-110].

Загадочный образ стал проясняться и вызывать явную неприязнь. Прозре-

ние наступило в 1804 г., когда произошло полное превращение «маленького капрала» в императора.

Карамзин в № 20 «Вестника Европы» за 1804 г. публикует статью, развенчивающую все романтические представления его молодых современников-либералов и о Наполеоне, и о французской революции – «Цезарь, Кромвель и Бонапарте (Из англ. “Ведомостей”): «Поработить народ именем вольности, предаться всем злодеяниям, твердя о добродетели: вот первые начала науки революционной! Известно, какую силу имеют слова над умами толпы народной, но ещё может быть и не довольно примечено, сколь далёко простирается сила их в отношении к тем, которые почитают себя чуждыми общих предрассудков, потому что воспользовались ими. <...> Г. Бонапарте, подобно Цезарю, уничтожил Республику, подобно Кромвелю восхитил престол своего государя; подобно тому и другому покусился присвоить себе царское достоинство – но здесь оканчивается сравнение». Отличие Наполеона от других тиранов автор статьи видит в том, «что г. Бонапарте рассудил за благо поступить совсем иначе: он дерзнул стать на ряду с государями, но мы уверены, что он от страха не назвался королём французов. Г. Бонапарте польстил себя надеждою, что титул императорское, новое для французов, не возбудит в них, подобно королевскому, напоминаний, для него страшных...». Заканчивается статья выражением изумления перед Наполеоном и другими представителями высшей власти: «Подивимся счастливой судьбе г-на Бонапарта. Приняв титул императорское, по особливим своим расчётам, он заставил го-

сударей следовать его примеру...» [8, с. 335, 337-339].

В «Вестнике Европы» за 1804 г. в № 21 среди известий из Парижа о последнем поразившем общество событии – короновании Бонапарта – печатается протест Людовика XVII: «Бонапарте, принимая на себя достоинство императора и желая, чтобы оно объявлено было наследственным в фамилии его, приложил тем самым печать к похищению им верховной власти. Сие новое деяние революции, в которой все, с самого начала, было ничтожно, не может без сомнения уничтожить права мои...» [9, с. 64].

«Вестник Европы» был, согласно взглядам своего издателя, монархическим журналом. В 1804 г. Карамзин во внезапном превращении французского правления из республиканского консульского в монархическое видел и подтверждение «давно уже всеми признанной истины», «что государство обширное и великое не может и не должно быть республикою» [9, с. 64].

В статьях «Вестника Европы» антитезой «тёмному» правителю-тирану, разрушителю спокойствия народов Европы Наполеону является «светлый» мудрый монарх, который «читит древний образ своего правления» и «безопасность и счастье своего народа» – Александр I.

В 1804 г. Карамзин опубликовал в № 21 журнала статью «Первые годы царствования Александра I». В ней «последним превращениям французского правления» противопоставлен идиллический образ России «под кроткою державою» Александра I: «Где господствует тишина и спокойствие, где земледелие и промышленность подают друг другу руки; где правитель и гражд-

дане согласно текут путём своим; там народ благодетельствует под мудрым правлением» [9, с. 65]. Перед нами воплощение идеи «вечного мира», но уже не в политическом, а в социальном равновесии. Монархизм в то время исповедовало почти всё высшее сословие России, обожание своего монарха было естественным.

Очевидно, что «Вестник Европы» не мог быть «бонапартистским» журналом: целью писателя была не апология Наполеона как великого деятеля и человека, а напротив, его дискредитация, открытая демонстрация читающей публике низких черт его личности, в том числе изображение Наполеона как лицемерного лицедея, в котором нет ни простоты, ни правды, истинной основы величия (что позднее будет развито в исторической концепции Л.Н. Толстого).

Где искать истоки этих заблуждений молодых умов России? Карамзин видит их в иностранном воспитании целого поколения русских дворян, выросших на любви к Франции. «Мы осыпаны, можно сказать, обременены благодеяниями господ французов, – с иронией отмечал Карамзин в № 16 «Вестника Европы» за 1804 г. – Никто не сомневается, с какими трудностями сопряжена обязанность приучать грубых северных жителей произносить в нос французское **n**, заставлять вытверживать вокабулы и ощупью по пути непорочному и непроходимому вести нас к храму просвещения» [7, с. 658].

Анализируя прошедшие события, когда-то составлявшие содержание публицистических статей «Вестника Европы», Карамзин писал в «Записке о древней и новой России» о недавних ошибках и заблуждениях начала царствования Александра I: «Можно было

угадать следствия... Но отчего такая перемена в системе? Узнали опасное властолюбие Наполеона? А дотоле не знали его?...»; «...каким образом изъясним горестное расположение умов? Несчастными обстоятельствами Европы и важными, как думаю, ошибками правительства, ибо, к сожалению, можно с добрым намерением ошибаться в средствах добра» [10, с. 49-51].

Для Карамзина, погрузившегося в изучение русской истории, пора просветительских мечтаний и надежд периода издания «Вестника Европы» подошла к концу, наступила пора разочарования и переосмысления прошедшего перед лицом будущих испытаний «духа» нации «грозы двенадцатого года». Плоды его глубоких размышлений и анализа современности в сопоставлении с историей осуществились в его историко-публицистическом сочинении 1811 г. «Записка о древней и новой России», в которой автор выразил более зрелый и нелицеприятный взгляд историка на александровское правление и его реформы.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1802. № 1. 100 с.
2. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1802. № 3. 102 с.
3. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1802. № 8. С. 293-395.
4. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1802. № 12. С. 281-363.
5. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1803. № 12. С. 239-323.
6. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1803. № 18. С. 85-162.
7. Вестник Европы. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1804. № 3. С. 175-240.
8. Вестник Европы. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1804. № 16. С. 239-318.
9. Вестник Европы. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1804. № 20. С. 263-347.
10. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.
11. Кувшинова Н.В. Нравственные основания мировоззренческих идей Н.М. Карамзина: Автореф. дисс. канд. филос. наук. ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет», 2009. 21 с.
12. Лобачкова М.Г. «Вестник Европы» Н.М. Карамзина о политике первого консула Франции (1802–1803) // Вестник научно-технический информационных технологий, механики и оптики. 2006. Вып. 1(24). С. 84–89.
13. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.
14. Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. Ч. 1. 398 с.
15. Фадеева И.И. Образ Наполеона Бонапарта в журнале Н.М. Карамзина «Вестник Европы» // Экстремизм, конфликты и войны: история и современность» Труды международной конференции. 2010. С. 154-156.